

УДК 94(478)"18/19"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/47/10

ЗАДУНАЙСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В МОЛДАВСКИХ ГРАМОТАХ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX в.

Н.Д. Руссев

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака
Молдова, 7400, г. Тараклия, ул. Мира, 9
E-mail: nrussev@mail.ru

Авторское резюме

Анализируется содержание двух десятков грамот 1793–1806 гг., составленных от имени молдавских господарей в связи с так называемыми задунайскими переселенцами, которые в документах называются сербами. Выяснилось, что речь идет о болгарях, по самым разным причинам покинувших родные места и поселившихся в Молдавии на положении обеспеченной податными льготами сословной группы «рупта де вистерия». Деятельность абсолютного большинства переселенцев была ориентирована на рынок, поэтому селились они в Кишиневе и вблизи этого торгового местечка. В такой миграции с правого на левый берег Дуная были взаимно заинтересованы как переселенцы, так и молдавские правители.

Ключевые слова: задунайские переселенцы, болгары, сербы, Молдавия, Османская империя, «Ханская Украина», Буджак, райи, Кишинев, «рупта де вистерия».

TRANS-DANUBIAN MIGRANTS IN MOLDAVIAN DOCUMENTS OF THE LATE 18TH – EARLY 19TH CENTURIES

N.D. Russev

Tsamblak State University of Taraclia
9 Peace Street, Taraclia, 7400, Moldova
E-mail: nrussev@mail.ru

Abstract

The article analyses the content of a score of documents dated by 1793–1806 which were composed on behalf of the Moldovan gentlemen in connection with the so-called Trans-Danubian migrants, who are called Serbs in the documents. It turns out that this

refers to the Bulgarians who left their native places for various reasons and settled in Moldova as “Rupta de Wisteria”, a social group with taxable benefits. Most of the settlers were market-oriented, so they settled in Chişinău and near this trading post. The migration from the right to the left bank of the Danube was mutually beneficial for the settlers and Moldovan rulers.

Keywords: Trans-Danubian settlers, Bulgarians, Serbs, Moldavia, Ottoman Empire, “Khan Ukraine”, Budzhak, rayah, Chişinău, “Rupta de Wisteria”.

Начало массового движения задунайских переселенцев в молдавские земли обычно связывают с событиями Русско-турецкой войны 1806–1812 гг., завершившейся присоединением к российским владениям земель, лежащих к востоку от реки Прут и дельты Дуная. Вместе с тем многие исследователи указывают, что процесс перемещения в Валахию и Молдавию имел место и ранее – на протяжении XV–XVIII вв. Давно высказано предположение, что «в Молдавском княжестве поселение иммигрантов осуществлялось только путем льготной правительственной колонизации» (Драгнев 1975: 180). Существенным поводом для нового обращения к названной теме стало ознакомление с содержанием ряда грамот молдавских господарей 1793–1806 гг., выпущенных мизерным тиражом провинциальным болгарским издательством более десяти лет назад (Дундаров, Пелин 2005). Изучение совокупности этих и других опубликованных документов дает возможность проследить особенности развития межэтнических контактов в регионе до установления здесь власти России.

Сведения, о которых идет речь, с большим трудом прокладывали себе дорогу к современным читателям. Сначала упоминались 13 господарских грамот на льготы 486 семьям сербов, осевшим в Кишиневе в последние годы XVIII – начале XIX в. Отмечалось, что сербы и болгары оседали в различных селах Лапушно-Оргеевского уезда, а также создавали новые поселения – Парканы, Папауцы, Сырбь и др. (Драгнев 1975: 184–185). Гораздо позже были изданы полные переводы четырех грамот – 1793, 1800 гг. и две 1801 г. (Пелин 1992: 56–59).

Уже в нынешнем столетии стали доступны оригиналы текстов 20 грамот: 1793 г. – 1, 1800 г. – 1, 1801 г. – 2, 1802 г. – 3, 1803 г. – 6, 1804 г. – 3, 1805 г. – 3, 1806 г. – 1 (Дундаров, Пелин 2005: 21–146). К сожалению, приходится говорить о больших изъянах публикации. Молдавская исследовательница В.С. Пелин выполнила свою часть работы на высоком профессиональном уровне, тогда как ее болгарский соавтор этим требованием науки пренебрег, очевидно, в угоду собственным довольно примитивным амбициям. Не буду писать о

его выпадах в адрес коллег из Молдовы. Укажу лишь, что к грамотам И.Дундаров приложил «вольные» болгарские переводы, существенно искажившие молдавские подлинники. Соответствующие оригиналам текстов русские переводы В.С.Пелин в издание не включены. Попытка ввести в заблуждение читателей, которым не понятен молдавский язык более чем двухвековой давности, к счастью, не обесценивает содержания документов, выпущенных господарской канцелярией.

Самая ранняя из названных грамот издана 14 октября 1793 г. Михаилом Константином Суцулом – представителем греческой династии, занимавшим молдавский престол в 1793–1795 гг. В документе поименно назван 21 иностранец – «*шаменй стреиний*»¹, члены 14 семей, которые «вынуждены были вместе с другими людьми уйти за Днестр до начала и во время случившегося мятежа в райи всесильной империи от бывшего над ними насилия». Вновь добиваясь покровительства Османской империи, они просили определить их на жительство в Молдавии, в Кишиневе: «*ын пъмънтул Молдовей, ла търгул Кишьнь-улуй*». Господарь установил для этих людей постоянную ежегодную подать в государственную казну – «*ла вистерия*». Деньги следовало вносить двумя равными частями в праздники св. Дмитрия и св. Георгия. При этом чиновникам Оргеевского цинута (уезда) предписывалось в точности соблюдать зафиксированный грамотой порядок обложения новых поселенцев (Пелин 1992: 56–57; Дундаров, Пелин 2005: 22, 24).

Документ от 11 июля 1800 г. составлен от имени убежденного русофила Константина Александра Ипсиланти, в первый раз ставшего господарем Молдавии в марте 1799 г. В этой грамоте речь идет о 63 «иностранцах из-за Дуная» – «*шаменй стреиний де писте Дунъре*». Они прибыли в земли Молдавии бедными и лишенными всего необходимого. Желая обосноваться в Кишиневе, эти «иностранцы» просили установить им подати в определенном размере, «чтобы знать, какую сумму они должны выплачивать в год, а другими повинностями не были большеотягощены». Проникнувшись тяжелым положением единоверных иноземцев и не желая бросать их в бедности, господарь установил им посильную подать, которую предложено было вносить в «вистерию» двумя равными частями также в дни св. Георгия и св. Дмитрия. Грамота гарантировала, что с новоприбывших не будут взиматься никакие другие платежи: «...ни пособия, ни денежные издержки вистерии, ни почтовые деньги, ни какие-либо другие повинности: поставка масла, провианта, рабочих, подвод, строевого леса и тому подобное». Особо оговаривалась позиция властей относительно овец, принадлежавших переселенцам из-за Дуная и остававшихся за пределами молдавских владений. Подчеркивалось условие, что отары, которые содержатся «за границей – в Украине или Буджаке

или в других иностранных местах, никогда не будут пригнаны в земли Молдавии» (*«писте хьотар – ын Окраина ши ын Буджяк сау ынтра-алте пърц стрейне ши ну ле вор адуче ничь ѡдать ын... пъмънтул ачеста а Мѡлдавіѡй»*). Тогда с овец хозяева не должны были давать десятину – «гоштину». Однако тем из них, кто перегонял своих овец через границу, предстояло «платить гоштину подобно другим жителям страны» – *«вор плъти ши ей гоштина ка ши алц лъкуиторй ай църйй»* (Пелин 1992: 57; Дундаров, Пелин 2005: 26, 28).

В рассматриваемых грамотах выходцев с Балкан характеризует устойчивое словосочетание «иностранные люди из-за Дуная» – в оригинале *«оаменй стрейнй де писте Дунъре»*. Упоминания о Дунае нет только в уже цитированной грамоте от 14 октября 1793 г., а также в грамоте Александра Константина Морузи от 14 мая 1803 г., в которой говорится более обобщенно о людях, прибывших из-за границы – *«де писте хотару»* (Дундаров, Пелин 2005: 70, 72). Почти во всех случаях – в 18 из 20 – эти чужеземцы называются сербами (варианты: *«люди сърбйй», «сърбй стрейнй»* или просто *«сърбйй»*). Только один раз использовано более сложное и довольно неожиданное этническое определение *«люди сърбй булгарйй»* (грамота того же господаря, составленная 16 сентября 1803 г.) (Дундаров, Пелин 2005: 94).

Однако анализ географии происхождения задунайских переселенцев дает вполне определенную картину.

Т а б л и ц а 1

Данные о численности и происхождении задунайских переселенцев в молдавских грамотах 1800–1805 гг. (Дундаров, Пелин 2005)

Дата	Кол-во душ	Этническое определение	Каза, откуда прибыли	Населенные пункты, откуда прибыли
1800, 11.06.	63	<i>сърбйй</i>	–	<i>Калефер</i>
1801, 13.02.	26	<i>сърбйй</i>	–	<i>Калофир</i>
1803, 16.09.	40	<i>сирбй булгарйй</i>	<i>Филипополис</i>	<i>Абрашлари, Хамзалари, Караорман</i>
1803, 16.09.	23	<i>сирбй булгарйй</i>	<i>Ендрине</i>	–
1803, 18.10.	35	<i>сърбйй</i>	<i>Ямболи</i>	<i>Фундуклия, Салманилор</i>
1804, 05.12.	52	<i>сърбйй</i>	–	<i>Видин, Калифер, Тетован, Казанлък, Карлава, Ендерне, Тернова, София, Филипопол, Негебол, Саркукю, Пабакию, Аврада</i>
1805, 27.01.	31	<i>сърбйй</i>	<i>Ендрине</i>	–
1805, 16.08.	20	<i>сърбйй</i>	<i>Филибе</i>	–
	290			

На основе данных табл. 1 легко убедиться в том, что чаще всего (в пяти случаях) места происхождения людей, обратившихся в канцелярию молдавского господаря, названы в соответствии с принятым в Османской империи делением на «казы»² (см.: Середа 2009: 54), например «*де ла казааа Филипополис*». Еще в четырех грамотах записаны названия конкретных населенных пунктов. Это существующие и теперь довольно крупные города различных районов Болгарии, а также Едирне (античный Адрианополь, болгарский Одрин) в современной Турции.

Таким образом, анализ восьми грамот 1800–1805 гг. позволяет прийти к однозначному выводу о том, что названные в них сербы приходили во владения господарей Молдавии из болгарских, а не из сербских этнических территорий. На это указывают и более ранние документы. Например, в одной из грамот 1783 г. говорится об иностранце, который поселился в селе *Ciuciule* Ясского цинута. Этот человек именуется «*lon, sin lani, sirbul de la Târnova*» (Documente 2005: 149).

Разумеется, очень трудно предположить существование в болгарских землях, включая историческую столицу, такого количества сербов, регулярно переселявшихся на левобережье Дуная. Скорее всего, такая «документальная» смена этнонимов связана, в первую очередь, с традициями молдавско-валашской письменной культуры изучаемой эпохи. Любопытно, что с распространением в деловой документации Бессарабской области русского языка упоминаний о сербах стало гораздо меньше. Когда же на юге края в 1816–1818 гг. была проведена перепись задунайских переселенцев, включая осевших в молдавских землях до Русско-турецкой войны 1806–1812 гг., то сербов среди них практически не оказалось (Мещеряк 1957: 57–58, 99–101).

Что касается количества людей, перечисленных в 20 грамотах 1793–1806 гг., то предварительные подсчеты дают общую цифру, превышающую 1 100 человек обоих полов. Судя по табл. 1, значительная часть из них – не менее 10–15 % – была представлена выходцами из Софии, Видина, Пловдива, Никополя, Калофера, Карлово, Казанлыка, Тырново (Дундаров, Пелин 2005: 114, 116). Вероятно, это были люди, занимавшиеся производством и реализацией товара. Предполагаю, что можно говорить не только о ремесленных изделиях, но и о поставках на рынки продукции овцеводства и овощеводства.

В двух десятках опубликованных грамот имеются интересные сведения о соседних с Молдавией и независимых от господаря областях. Они документально определены как «иностраннные» – «*пърц стрейне*». Имеются в виду близко расположенные к молдавским владениям юго-восточные земли, подчиненные татарам и туркам. По всей видимости, таковыми в начале XIX в. считались территории Украины и Буджака (грамоты от 11 июля 1800 г., 13 февраля 1801 г.

и 23 сентября 1802 г.). На левобережье Днестра лежала «Ханская Украина», центром которой являлись Дубоссары. Кроме того, в данную категорию включены райи, находившиеся под контролем османской администрации, как и крепости Килия, Измаил, Аккерман и Бендеры с размещенными в них гарнизонами (грамота от 14 октября 1793 г.).

Достоверные сведения о проживании на левобережье Днестра болгар датируются уже началом XVIII в. Так, русское описание маршрута «до Царя-Города от Киева» утверждает, что на границе с Польшей у Днестра выше Дубоссар находится Егорлык³, «а владеет им крымский хан». В этом местечке насчитывалось две сотни домов евреев, «волохов и болгаров». Ниже по течению реки располагались села, принадлежавшие бендерскому паше: Беляковка – примерно 100 дворов и Ташлык⁴ – около 200. Их жителями также были молдаване и болгары (Русов 1876: 79–80).

Что касается турецких городов, то в них болгары селились еще раньше. В частности, по сообщению христианина из Сирии, ко второй половине XVII в. в Измаиле проживало «более двенадцати тысяч семейств валахов и болгар, которые бежали от притеснений турок» (Павел Алеппский 1900: 14). Хотя эта цифра представляется явно завышенной, сам факт пребывания среди горожан значительного числа болгар подтверждается сообщениями других авторов той эпохи (см., напр.: Филип Станиславов 1982: 131). Там же, как отмечалось полвека спустя, измаильчане – турки, волохи, болгары, греки – «торги имеют нарочитые» (Русов 1876: 82). Имеются данные, что в 1774 г. «у Килии поселились 74 семейства сербов из-за Дуная» (Драгнев 1972: 309).

Буджак, или «Буджакская земля», в соответствии с авторитетным мнением первого молдавского историка Д. Кантемира, еще в 1568 г. был «предоставлен для обитания ногайским татарам», имевшим в начале XVIII в. единственный город – Каушаны (Димитрий Кантемир 1973: 25). Тогда же цитируемый выше источник (Русов 1876) о русском тракте сообщает, что в этом принадлежавшем крымскому хану местечке проживали *«турки и татары, а большая часть христиан - волохи, и болгары, и греки»* (Русов 1876: 81).

Таким образом, не подлежит сомнению, что движение из-за Дуная имело место как в направлении Валахии⁵ и Молдавии, так и в пределы соседних османско-татарских владений. Причем миграции происходили по принципу сосудов, сообщающихся в зависимости от колебания конъюнктуры в этой части пространства, подвластного Османской империи. Судя по всему, этот факт в какой-то мере осознавали молдавские господа и сами переселенцы.

Разумеется, во время полных опасности событий русско-турецких войн и неизбежной поляризации сил потоки переселенцев прио-

бретали направленность, обусловленную религиозно-культурной близостью сторон. Не случайно подъем миграционной волны был зафиксирован в 1772 г., когда в 11 уездах Молдавии обосновалось более 1 700 чел. – 320 семей задунайских выходцев (Драгнев 1972: 309; 1975: 181).

Из 20 исследуемых документов в 14 грамотах содержатся сведения об оседании людей с правобережья Дуная в Кишиневе Орхейского (Лапушно-Орхейского) цинута, занимавшего центральную часть современной Молдовы. Более 80% новопоселенцев – 457 чел. из 567 – стали жителями этого торгового поселения, недвусмысленно называвшегося *тырг*. Оставшиеся менее 20% задунайцев остановились на жительство в селах (табл. 2).

Таблица 2

Данные о численности и местах поселения задунайских переселенцев в молдавских грамотах 1803–1806 гг. (по: Дундаров, Пелин 2005)

Дата	Душ	Цинуты, в которых поселяются	Населенный пункт	Номенклатура поселений
1803, 15.03.	17	<i>Гречений</i>	<i>Паикул</i>	<i>Мошия</i>
1803, 22.05	12	<i>Гречений</i>	<i>Паикул</i>	<i>Сатул</i>
1803, 18.10.	35	<i>Орхеюл</i>	<i>Петриканий</i>	<i>Сатул</i>
1805, 27.01.	31	<i>Кодрулуй</i>	<i>Баба-Яна</i>	<i>Слобозие</i>
1805, 20.02.	6	<i>Гречений</i>	<i>Паикул</i>	<i>Сатул</i>
1806, 15.07.	9	<i>Кодрулуй</i>	<i>Баба-Яна</i>	<i>Сатул</i>

Один из этих населенных пунктов – Петриканий – является частью сегодняшнего Кишинева. Два других села – Баба-Яна и Паикул – находились на территориях Кодрского и Греченского цинутов, которые располагались южнее на левом берегу реки Прут, доходя на юге до придунайского озера Кагул. На востоке они граничили с Буджаком. Показательно, что оба поселения относятся к разным типам. Если «слобозия» подразумевала наличие у жителей податных льгот, то «мошия» означала вотчину (буквально по-русски – «дедина»), у которой был наследственный землевладелец. Крупнейшим помещиком в припрутских землях являлся тогда Иоанн Бальш, заявивший в августе 1817 г., что из его имений сбежало 498 семей болгар, поселившихся в них с 1775 по 1805 г. (см.: Устройство задунайских переселенцев 1957: 436–437. № 340).

Из рассматриваемого актового материала (см. грамоту от 14 октября 1793 г. и др.) следует: устраиваясь на жительство в Молдавии, иностранцы поступали в особую сословную группу «*рупта де вистерия*», которой господа обеспечивали некоторые привилегии. Такие но-

воприбывшие ежегодно вносили фиксированную плату в державную казну («вистерию»), но не платили прочих многочисленных податей в пользу государства. С включением Бессарабии в состав Российской империи большинство представителей этой группы изменили правовой статус, став колонистами, а остальные уже к середине XIX в. слились с массой рядовых сельских жителей или горожан, отбывая все установленные для них повинности (Очерки истории 1967: 49–54).

Большое значение для понимания характера переселений из-за Дуная в мирное время имеет одна из грамот Александра Константина Маврокордата, правившего в Молдавии с июня 1782 по январь 1785 г. В середине мая 1783 г. господарь жаловал своею милостью иностранца «серба Михая Митрешу» («*Mihai Mitreșu sirbul*»). Этот человек некогда поселился в селе Парканы (*Părcane*) Орхейского цинута, где женился на дочери мазила⁶. Он заслужил награду тем, что привел в цинут множество переселенцев из-за границы, которые основали села Парканы, Папауцы, Сырбь (*Părcane, Păpăuți, Sirbi*). В документе прямо сказано, что господарь зачисляет Михая в привилегированную категорию жителей страны – мазилов, ожидая, что этот человек и впредь будет способствовать привлечению в Молдавию иностранных поселенцев (Documente 2005: 144–145. Nr. 106; ср.: Драгнев 1975: 184–185).

Подводя итоги, следует сказать, что документы о задунайских переселенцах, появившихся в молдавских землях задолго до войны 1806–1812 г., показывают, что эти процессы связаны с взаимной заинтересованностью иммигрантов и господарской администрации. Недостаток податного населения в Молдавии издавна восполнялся за счет выходцев из соседних стран (Руссев 2006: 90–101). При этом предпочтение отдавалось единоверцам, для привлечения которых использовались все подходящие возможности – от бедствий войн и голодных лет до общего османского «зонтика» и инициативы частных лиц. Судя по всему, многие из уже сложившихся традиций, не исключая и части привычных терминологических понятий, обрели новую жизнь в условиях утверждения в Пруто-Днестровском междуречье власти России.

Еще несколько десятилетий назад в историографии было сформулировано противоречивое мнение о том, что до Бухарестского мира Бессарабия являлась «органической частью Молдавии», владениями которой на правах сюзерена распоряжалась Турция (Лазарев 1974: 111–112). В спорах, разгоревшихся с новой силой в связи с двухсотлетием этого события, акцент делался на пагубной для края политике российского царизма. В частности, обвинения в адрес властей империи звучали и так: «Вместо того чтобы дать крестьянам

из центральных районов земли на юге, туда специально завезли чужаков, чтобы отделить нас от Дуная и Черного моря» (<http://enews.md/articles/view/2413/>). Полагаю, что содержание рассмотренных в статье документов показывает, сколь далекими от исторической реальности бывают умозрительные картины, усердно создающиеся в тиши академических кабинетов.

Примечания

1. Цитаты из подлинных грамот даны курсивом с сохранением особенностей правописания документов.
2. Каза или кадилык – судебно-административные округа во главе с шариатским судьей (кади).
3. Село Ягорлык почти полностью затоплено в 50-е гг. XX в. при строительстве Дубоссарской ГЭС.
4. Ныне микрорайон Дубоссар – Магала.
5. Изучение значительного пласта сведений на этот счет не является задачей настоящей статьи.
6. Представитель пользовавшегося податными льготами сословия, приравненного в присоединенной к России Бессарабии к однодворцам.

ЛИТЕРАТУРА

Димитрий Кантемир 1973 - *Димитрий Кантемир*. Описание Молдавии. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1973.

Драгнев 1972 - *Драгнев Д.М.* Динамика численности народонаселения и некоторые миграционные процессы в Карпато-Дунайских землях XVIII в. // Юго-Восточная Европа в Средние века. Кишинев: Штиинца, 1972. С. 277–327.

Драгнев 1975 - *Драгнев Д.М.* Сельское хозяйство феодальной Молдавии (конец XVII – начало XIX в.). Кишинев: Штиинца, 1975.

Дундаров, Пелин 2005 - *Дундаров И., Пелин В.С.* Грамотите на молдовските князе за приемането и настаняването на българи в Молдова през 1790–1810 г. Ямбол: Издателска къща «Жельо Учков», 2005.

Лазарев 1974 - *Лазарев А.М.* Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1974.

Мещерюк 1957 - *Мещерюк И.И.* Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар Бессарабии в 1812–1820 гг. Кишинев: Гос. изд-во Молдавии, 1957.

Очерки истории 1967 - Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812–1861). Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1967.

Павел Алеппский 1900 - Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидьяконом Павлом Алеппским. М.: Университетская типография, 1900. Вып. 5.

Пелин 1992 - *Пелин В.* Из истории колонизации Бессарабии // *Cugetul. Социально-политический и научно-методический журнал.* 1992. № 3. С. 56–59.

Русов 1876 - *Русов А.А.* Русские тракты в конце XVII – начале XVIII века // *Записки Юго-Западного отдела Императорского Русского географического общества.* Киев, 1876. Т. III. С. 47–120.

Руссев 2006 - *Руссев Н.Д.* Славянский фактор в истории средневековой Молдавии // *Русин.* 2006. № 4 (6). С. 90–101.

Середа 2009 - *Середа А.* Силистренско-Очаковский еялет през XVIII – нач. на XIX в. Административно-териториално устройство, селища и население в Северозападното Причерноморие. София: Дио Мира, 2009.

Устройство задунайских переселенцев 1957 - Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А.П. Юшневского: сб. док. / Сост.: К.П. Крыжановская, Е.М. Руссев. Кишинев: Картя Молдовеняска, 1957.

Филип Станиславов 1982 - *Филип Станиславов.* Бележки за епископското посещение в Добруджа и Буджак // *Пътища и пътешественици XIV–XIX век.* София, 1982.

Documente 2005 - *Documente privitoare la istoria Țării Moldovei în sec. al XVIII-lea (1775–1786).* Chișinău: Civitas, 2005.

REFERENCES

Kantemir, D. (1973) *Opisanie Moldavii* [The Description of Moldova]. Chișinău: Kartya Moldovenyaske.

Dragnev, D.M. (1972) *Dinamika chislennosti narodonaseleniya i nekotorye migratsionnye protsessy v Karpato-Dunayskikh zemlyakh XVIII v.* [Population dynamics and some migration processes in the Carpathian-Danube lands of the 18th century]. In: Budak, I.G. (ed.) *Yugo-Vostochnaya Evropa v srednie veka* [South-Eastern Europe in the Middle Ages]. Chișinău: Shtiintsa. pp. 277–327.

Dragnev, D.M. (1975) *Sel'skoe khozyaystvo feodal'noy Moldavii (konets XVII – nachalo XIX v.)* [Agriculture of feudal Moldavia (the late 17th – early 19th centuries)]. Chișinău: Shtiintsa.

Dundarov, I. & Pelin, V.S. (2005) *Gramotite na moldovskite knyaze za priemaneto i nastanyavaneto na b'lgari v Moldova prez 1790–1810 g.* [The edicts of Moldovan princes for acceptance and placement of Bulgarians in Moldova in 1790–1810]. Yambol: Zhel'o Uchkov.

Lazarev, A.M. (1974) *Moldavskaya sovetskaya gosudarstvennost' i bessarabskiy vopros* [The Moldovan Soviet statehood and the Bessarabian issue]. Chișinău: Kartya Moldovenyaske.

Meshcheryuk, I.I. (1957) *Antikrepostnicheskaya bor'ba gagauzov i bolgar Bessarabii v 1812–1820 gg.* [The anti-serfdom struggle of Gagauzians and Bulgarians of Bessarabia in 1812–1820]. Chișinău: Gos. izd-vo Moldavii.

Budak, I.G. & Grosul, Ya.S. (1967) *Ocherki istorii narodnogo khozyaystva Bessarabii (1812–1861)* [Essays on the history of the national economy of Bessarabia (1812–1861)]. Chişinău: Kartya Moldovenyaske.

Paul of Aleppo (1900) *Puteshestvie Antiokhiyskogo patriarkha Makariya v Ros-siyu v polovine XVII veka, opisannoe ego synom arkhid'yakonom Pavlom Aleppskim* [Journey of the Antiochian Patriarch Macarius to Russia in the mid-17th century, described by his son Archdeacon Paul of Aleppo]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.

Pelin, V. (1992) Iz istorii kolonizatsii Bessarabii [From the history of Bessarabian colonization]. *Cugetul. Sotsial'no-politicheskiy i nauchno-metodicheskiy zhurnal*. 3. pp. 56–59.

Rusov, A.A. (1876) Russkie trakty v kontse XVII – nachale XVIII veka [Russian tracts in the late 17th – early 18th centuries]. In: *Zapiski Yugo-Zapadnogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the South-West Division of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. 3. Kyiv: [s.n.]. pp. 47–120.

Russev, N.D. (2006) Slavyanskiy faktor v istorii srednevekovoy Moldavii [The Slavonic factor in the history of medieval Moldavia]. *Rusin*. 4 (6). pp. 90–101.

Sereda, A. (2009) *Silistrensko-Ochakovskiyat eyalet prez XVIII – nach. na XIX v. Administrativno-teritorialno ustroystvo, selishcha i naselenie v Severozapadnoto Prichernomorie* [Silistra-Ochakovskiyat Eyalet in the 18th – early 19th centuries. The administrative-territorial structure, settlements and population in the Northwestern Black Sea shore]. Sofia: Dio Mira.

Kryzhanovskaya, K.P. & Russev, E.M. (eds) (1957) *Ustroystvo zadunayskikh pereselentsev v Bes-sarabii i deyatel'nost' A.P. Yushnevskogo* [Settlement of Trans-Danubian settlers in Bessarabia and activities of A.P. Yushnevsky]. Chişinău: Kartya Moldovenyaske.

Stanisławów, P. (1982) Belezhki za episkopskoto poseshchenie v Dobrudzha i Budzhyak [Notes about the episcopal visit to Add-Rugile and Budzhyak]. In: Gyurova, S. (ed.) *P"tishcha i p"teshestvenitsi XIV–XIX vek* [Roads and travelers of the 14th – 19th centuries]. Sofia: B"lgarski pisatel.

Dragnev, D. (ed.) (2005) *Documente privitoare la istoria Ţării Moldovei în sec. al XVIII-lea (1775–1786)* [Documents relating to the history of Moldavia in 1775–1786]. Chişinău: Civitas.

Руссев Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор кафедры филологии, истории и общественных наук Тараклийского государственного университета им. Г.Цамблака (Молдова).

Russev Nikolai - G. Tsamblak State University of Taraclia (Moldova).

E-mail: nrussev@mail.ru